

1 Марта.

№ 5

X годъ

№ 5

1899 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Кавалерской Думы ордена Св. Владимира, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 22 день сентября 1898 г., причислить къ сему ордену 4-й ст., *съ бантомъ, за 25 лѣтъ* службы въ священническомъ санѣ: благочиннаго надъ духовенствомъ 3-й пѣхотной дивизіи, протоіерея церкви 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Михаила Голицина полка Іоанна *Доброхотова* и протоіереевъ церквей: лейбъ-гвардіи Уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Петра *Троицкаго*, 4-го гренадерскаго Несвижскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Барклай-де-Толли полка Іустина *Переспьлова* и С.-Петербургскаго клиническаго военнаго госпиталя Сергія *Богоявленскаго*, и *за 35 лѣтъ безъ банта*:

настоятеля Брестъ-Литовскаго военно-крѣпостнаго собора, протоіерея Матѳея *Лободовскаго*, благочиннаго 25-й пѣхотной дивизіи, протоіерея церкви 98 пѣхотнаго Юрьевскаго полка Евсигнія *Кортовича* и протоіерея С.-Петербургской Николаевской, что при военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства, церкви Іоанна *Орлова*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поученіе предъ исповѣдью.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Христілюбивые воины! Сейчасъ вы выслушаете молитвы передъ исповѣдью, а затѣмъ приступите и къ самой исповѣди. Помните, что исповѣдѣ дѣло великое. Исповѣдь, иначе покаяніе, есть такое таинство, въ которомъ кающійся, или исповѣдующій грѣхи свои, при видимомъ прощеніи отъ священника, невидимо разрѣшается отъ грѣховъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Но знайте, что не всякій, кто бываетъ на исповѣди, тотъ и получаетъ непремѣнно разрѣшеніе грѣховъ. Нѣтъ. Иная исповѣдь не только не приноситъ пользы, но еще служить и въ осужденіе человѣку. Поэтому выслушайте, что требуется отъ приступающаго къ таинству св. покаянія, чтобы оно послужило ему не въ осужденіе, а во оставленіе грѣховъ.

Отъ приступающаго къ таинству св. покаянія требуется, во-первыхъ, сознаніе своихъ грѣховъ, вѣра во Христа и надежда на Его милосердіе, а во-вторыхъ, чистосердечное раскаяніе во грѣхахъ и твердое намѣреніе исправить свою жизнь. Поэтому и вы, если хотите, чтобы Господь простилъ вамъ грѣхи ваши, то прежде нежели станете передъ св. крестомъ и евангеліемъ, пропомните всѣ грѣхи свои, все, чѣмъ только вы согрѣшили предъ Богомъ! и худыя дѣла, и скверныя слова и нечистыя, грѣховныя мысли, желанія и побужденія; и когда, затѣмъ, придете на исповѣдь, то, не стѣсняясь, и покайтесь во всемъ, чистосердечно расскажите всѣ грѣхи свои, ничего не скрывая и ничего не утаивая.

Какъ прискорбно бываетъ видѣть, что придуть на исповѣдь, а сами не знаютъ, въ чемъ они грѣшны передъ Богомъ, и не знаютъ, что говорить имъ, и или вовсе молчатъ и дожидаются, пока духовникъ самъ ихъ спроситъ, или же исповѣдуютъ грѣхи, какіе придуть имъ на память во время самой исповѣди. «Грѣшенъ», «грѣшенъ», говорятъ они, а сердце ихъ безчувственно къ тому, что они говорятъ. Нѣтъ, возлюбленные, Господь не такого покаянія требуетъ отъ насъ. Грѣхи тогда только и прощаются намъ, когда мы сознаемъ ихъ, чувствуемъ тяжесть ихъ. Помните, что въ комъ нѣтъ сознанія и сокрушенія о грѣхахъ, тому нѣтъ и прощенія.

Неблагоразумно поэтому поступаютъ и тѣ люди, которые на исповѣди открываютъ не всѣ грѣхи свои, а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе тяжкіе, скрываютъ и утаиваютъ. Жалкіе они люди. Они не знаютъ того, что отъ духовника можно скрыть грѣхъ, но отъ Бога, Вездѣсущаго и Всевѣдушаго, нельзя. Онъ вѣдь давно знаетъ не только грѣхи наши, но и самыя потаеннѣйшія наши мысли, желанія и побужденія, и давно стучигъ въ двери нашего сердца. Откройте же ихъ предъ Нимъ. Тяжело, боязно, стыдно? Но вѣдь чѣмъ тягостнѣе бываетъ на исповѣди, тѣмъ легче будетъ послѣ исповѣди. «Когда молчалъ я, свидѣтельствуешь св. царь и пророкъ Давидъ, измождились кости мои отъ вседневнаго стона моего... Открылъ я грѣхъ мой Тебѣ, и вины моей не утаилъ, я сказалъ: исповѣдуюсь предъ Господомъ въ преступленіяхъ моихъ: и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего» (Псал. 31, 3—5). «Омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро, ищите правды... Тогда яридите, и разсудимъ, говоритъ (Самъ) Господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ багряное, какъ снѣгъ убѣлю; если будутъ красны какъ пурпуръ, какъ волну убѣлю» (Исаи 1, 16—18).

И бояться исповѣди нечего. Грѣха слѣдуетъ бояться, а не исповѣди. Стыдитесь и бойтесь, возлюбленные, грѣшить, а не открывать грѣхъ. Грѣхъ — это болѣзнь. И мы всѣ больны, всѣ грѣшны передъ Господомъ, и если скажемъ, что не имѣемъ грѣха, то самихъ себя обманываемъ, и нѣтъ въ насъ истины» (Іоан. 1, 8). Мы во грѣхахъ, какъ въ струпьяхъ. Возчувствуемъ же эту болѣзнь свою, и пойдемъ всѣ ко Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ Господу Іисусу Христу; восплачемъ и возрыдаемъ предъ Нимъ о грѣхахъ своихъ и будетъ просить у Него исцѣленія себѣ. И, вѣруйте, Господь приметъ насъ, какъ Онъ принялъ Петра отвергшагося, и разбойника, и блудницу. Онъ не смерти грѣшника хочетъ, но хочетъ, чтобы

грѣшникъ обратился и жилъ (Иезек. 18, 32; 33, 11). Не бойтесь поэтому открытъ предъ Нимъ и самые затаенные, можетъ быть, и великіе, тяжкіе грѣхи. Помните, что «нѣтъ грѣха непростительнаго, кромѣ грѣха нераскаяннаго» (Св. Исаакъ Сиринъ). Не пренебрегайте и малыми грѣхами, ибо и они мерзость предъ Господомъ, и, будучи малыми сами по себѣ, становятся великими, по мѣрѣ привычки къ нимъ.

Но вы, быть можетъ, и не боитесь открыться предъ Богомъ, а стыдитесь духовника своего? Такъ не стыдитесь его. Онъ самъ грѣшникъ, и самъ исповѣдуются предъ своимъ духовнымъ отцемъ. Онъ по себѣ знаетъ, какъ немощенъ человѣкъ, и къ чему бываютъ способны люди, и чѣмъ болѣе вы откроете грѣховъ на исповѣди, тѣмъ усерднѣе духовникъ вашъ будетъ Богу молиться о васъ; и чѣмъ откровеннѣе, чистосердечнѣе вы раскаетесь на исповѣди, тѣмъ лучше онъ будетъ думать о васъ за ваше сознание, откровенность и правдивость. Не бойтесь, что онъ откроетъ кому нибудь грѣхъ вашъ. Исповѣдь такая тайна, которую никому нельзя открыть, и грѣхи ваши, какъ бы они не были велики, навсегда схоронятся въ сердцѣ духовника вашего.

Возлюбленные! вамъ не хочется во всемъ открыться предъ духовникомъ своимъ; но знайте и помните, что грѣхи ваши въ такомъ случаѣ будутъ открыты на страшномъ судѣ Христовомъ, предъ милліонами людей и Ангеловъ. Какъ же тогда то будетъ стыдно вамъ!?

Нѣтъ, возлюбленные! пока еще есть время, пока еще уста ваши не сомкнула вѣчность. спѣшите ко спасительному таинству покаянія. Нынѣ время особенно благоприятное. Иначе, какъ бы не переполнилась чаша милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ, и намъ неготовымъ не пришлось услышать грозный приговоръ Божій: «Безумный! въ эту ночь душу твою возьмутъ у тебя» (Лук. 12, 20).

А очистивъ себя покаяніемъ, возлюбленные, положите твердое намѣреніе впредь не грѣшить и всѣми силами бороться со грѣхомъ. Не достанетъ на это вашихъ силъ, просите Господа, и Онъ поможетъ вамъ; просите Его Пречистую Матерь и св. угодниковъ, и они не оставятъ васъ безъ своей помощи.

О, Господи! яви намъ помощь свою, да не бесполезенъ будетъ трудъ нашъ. Аминь.

Священникъ 123-го пѣх. Козловскаго полка Сергій Цетронавловскій.

Поученіе предъ вступленіемъ въ великій постъ.

Благодареніе Господу, бр., дождались мы и великаго поста! Дорого и спасительно для насъ это время!

Къ чему же св. Церковь призываетъ насъ нынѣ? Призываетъ она насъ къ покаянію и причащенію Св. Таинъ Христовыхъ.

По нашимъ грѣхамъ, намъ всегда бы слѣдовало каяться предъ Богомъ чрезъ духовныхъ отцевъ, потому что мы каждый часъ согрѣшаемъ и число грѣховъ нашихъ такъ велико, что и необразишь всѣхъ. Но милосердіе Божіе опредѣлило на это св. великій постъ, когда мы особенно должны, сознавъ свои грѣхи, каяться въ нихъ. Не замедлимъ же, други, принести покаяніе, теперь все насъ располагаетъ къ нему.

Сами слышите теперь протяжный благовѣстъ колоколовъ! Грустенъ онъ и какъ сильно напоминаетъ намъ о нашей виновности предъ Богомъ и о дняхъ покаяніе! Сами видите теперь, что во время церковной службы царскія двери отверзаются рѣже и священно-служители совершаютъ службу Божію въ траурныхъ ризахъ; сами слышите, что чтеніе и пѣніе умиленные и часто сопровождаются земными поклонами; во всей службѣ церковной вы слышите голосъ матери св. Церкви, зовущей грѣшника. Такъ заботится о насъ св. Церковь! Намъ ли теперь не углубиться въ себѣ, въ свое душевное состояніе. Засуетились мы цѣлый годъ—кто въ разсѣянности, кто въ заботѣ о наживѣ, кто въ увеселеніяхъ и никому не было времени заняться своимъ душевнымъ состояніемъ, подумать о спасеніи души своей. Но вотъ время самое благопріятное для покаянія,—теперь и постъ, и молитвы, и поклоны съ нами; остается только воспользоваться этимъ временемъ на пользу своей души. Будетъ ли воинъ дремать, если увидитъ врага? Не будетъ ли пловецъ огрѣбать себя отъ волнъ, если грозитъ опасность потонуть? Не должны ли и мы сами принимать всѣхъ мѣръ, если замѣтимъ, что предъ нами бѣда? А мы находимся въ такой опасности, что можемъ погубить душу свою: страсти наши, какъ волны, окружаютъ насъ и не даютъ прибыть къ тихому пристанищу небесному. Какъ же не воспользоваться намъ нынѣшнимъ временемъ, которое даетъ намъ всѣ средства избавится отъ бѣды, выйти изъ своего грѣховнаго—самаго опаснаго—состоянія? Поэтому-то чадолюбивая мать наша св. Церковь

такъ и заботится о насъ, чтобы мы ни на шагъ не отступали отъ своего Господа.

Призывая къ покаянію, св. Церковь приготовляетъ насъ къ принятію Св. Таинъ Христовыхъ. Не разъ вы слышали, что каждый православный христіанинъ долженъ причаститься хотя однажды въ годъ; а если можетъ и болѣе,—это долгъ нашъ непремѣнный. Но когда для насъ удобнѣе исполнить этотъ долгъ? Нынѣшній великій постъ изстари къ тому урочное время. И дай Богъ исполнить его всѣмъ и дождаться Свѣтлаго Воскресенія Христова! Радостно будетъ намъ тогда праздновать этотъ великій праздникъ! Радость будетъ и для грѣшника за его покаяніе. Братіе, великій постъ, называемый четырехдесятницею, освященъ и Божественнымъ примѣромъ Самого Господа Иисуса Христа. Самъ Онъ постился сорокъ дней и ночей, подавая примѣръ намъ, Его послѣдователямъ. Встрѣтимъ же св. постъ съ радостью; быть можетъ иной давно не каялся, а грѣшить безъ сомнѣніе грѣшилъ. *Приидите же, бр., постомъ пріятнымъ благоугодимъ Господу!*

Поученіе о томъ, въ чемъ состоитъ истинный постъ.

Отрадно бываетъ путешественнику, когда онъ изъ страны дальней возвращается на родину; но несравненно отраднѣе грѣшнику, когда онъ, удаляясь отъ беззаконій, приближается къ родному отечеству небесному.

Въ такомъ состояніи теперь мы, хр. воины. Мы теперь пролагаетъ себѣ путь, затерянный нашими грѣхами, къ отечеству небесному; всѣ мы, много ли, мало ли по своимъ силамъ постимся. А потому, полагаемъ, кстати будетъ теперь побесѣдовать намъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинный постъ.

Постъ обыкновенно поставляютъ въ воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и питія; но многіе, во время своего говѣнія, день, два и три не вкушаютъ пищи. Похвально такое воздержаніе; такой постъ, ослабляя порывы страстей тѣлесныхъ, просвѣщаетъ душу, дѣлаетъ ее способною возноситься къ небу, готовою къ покаянію и бодрою въ молитвѣ и въ другихъ подвигахъ духовныхъ...

Человѣкъ пресыщенный не таковъ: онъ не способенъ заниматься Богомысліемъ; онъ лѣнивъ къ молитвѣ, невнимателенъ при службѣ Божіей;

смерть, адъ, царствіе небесное, сокрушеніе о грѣхахъ и покаяніе не могутъ придти ему на умъ. Да и можетъ ли онъ такъ настроить себя? До того ли ему? Съ чего придетъ ему все это на умъ, когда вниманіе его обращено на другое, когда проводить онъ дни свои въ пресыщеніи и ни въ чемъ не отказываетъ своему чреву? Итакъ, постъ тѣлесный для спасительнаго покаянія необходимъ намъ.

Но воздержаніе отъ пищи, питія еще не все, что требуется отъ насъ и что нужно въ настоящее время. Безполезенъ постъ, ежели мы во время пошенія не думаемъ о грѣхахъ своихъ, не скорбимъ о томъ, что такъ часто прогнѣвлили мы Господа своими грѣхами.

Въ самомъ дѣлѣ, -- будетъ ли тотъ постъ истинный, Богу угодный и душѣ нашей полезный, если мы день, два и три воздерживаемся отъ пищи, а своего ближняго снѣдаетъ злобою, ненавистію, завистію и поношеніемъ? Будетъ ли угоденъ Богу тотъ постъ, когда человѣкъ отъ поста, какъ говорится, весь высохъ, а на дѣлѣ живетъ себѣ какъ пришлось: мыслить о худомъ, желаетъ худого и дѣлаетъ худое?

Слѣдовательно, кромѣ поста тѣлеснаго, намъ нуженъ постъ духовный, который состоитъ въ воздержаніи отъ худыхъ мыслей, желаній и дѣлъ, въ сокрушеніи о грѣхахъ. Этотъ постъ—истинный есть. Истинный постъ, слышимъ мы въ церковныхъ пѣсняхъ, *«естъ злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе»* (Стих. на веч.).

Изъ сказаннаго, кажется, достаточно ясно теперь, кто истинный постникъ. Это тотъ, кто хранить и умъ и сердце свое въ чистотѣ, отгоняетъ всякій грѣховный помысль, ограждаетъ сердце свое страхомъ Божиимъ и молитвою, удерживаетъ очи свои отъ всякаго грѣховнаго зрѣлища; онъ обуздываетъ языкъ свой: не пустословитъ, не осуждаетъ, не злобится, не слушаетъ худыхъ рѣчей; онъ смиренъ, милостивъ, сострадателенъ, справедливъ, внимателемъ къ самому себѣ, трудолюбивъ и Богобоязливъ. Вотъ кто истинный постникъ! Такими постниками должны быть и мы, други. Мало того, что такой истинный постъ необходимъ намъ во дни говѣнья, потому что онъ помогаетъ намъ собрать мысли наши въ одно цѣлое, даетъ намъ возможность опомниться, почувствовать свое грѣховное состояніе и подготовиться къ истинному покаянію; истинный постъ поможетъ намъ положить прочное начало къ доброй христіанской жизни.

Жди пользы себѣ отъ поста тотъ, кто постится и тѣломъ и душою,

кто постится чистосердечно. Напротивъ, не ожидай пользы отъ своего поста тотъ, кто не хочетъ войти внутрь себя, постится только изъ приличія, лишь бы только поговѣть и поставить себя на ряду съ христіанами...

Но, братіе, мы вѣдь ищемъ теперь спасенія и милосердія у Господа, ищемъ общенія съ Нимъ Самимъ, чтобы Онъ обиталъ въ насъ и никогда не разлучался съ нами; уготовимъ же Ему душу свою постомъ истиннымъ, постомъ пріятнымъ Ему!

Поученіе противъ тѣхъ, которые не говѣютъ и не причащаются за недосугами.

Древніе христіане пріобщались св. Тѣла и Крови Христовой каждый воскресный день. Такъ было велико ихъ благочестіе и усердіе къ этому великому дѣлу! А у насъ нынѣ есть такіе христіане, которые объ этомъ важнѣйшемъ долгѣ требуютъ не только напоминанія, но и обличенія.

Тяжело видѣть такихъ нерадивныхъ людей! Прискорбиѣ всего то, что такіе люди въ оправданіе свое представляютъ свои недосуги.. «У меня нѣтъ свободнаго времени поговѣть и причаститься, занятія останавливаютъ меня». Какое дерзкое и ничѣмъ неизвинительное оправданіе!

Тотъ, кто ради своихъ занятій и хлопотъ житейскихъ откладываетъ говѣніе и причащеніе св. Таинъ, тотъ ставитъ это важнѣйшее дѣло ниже своихъ обыкновенныхъ занятій—земное предпочитаетъ небесному.

Не подобны ли такіе люди неблагодарнымъ жителямъ страны Гадаринской, упоминаемымъ въ Евангеліи, которые промѣняли Господа на выгоды житейскія: жаль вѣрно разстаться съ своими дѣлами и выгодами и этимъ людямъ, и вотъ они удаляются отъ Господа! Явно, они не дорожатъ своимъ спасеніемъ; занятіе, нужды и выгоды ближе къ ихъ сердцу, чѣмъ Господь и небесныя Его блага; для такихъ людей, стало быть, все равно говѣть или не говѣть, причаститься или не причаститься, у нихъ одно въ головѣ: не упустить своихъ выгодъ житейскихъ. Но они не понимаютъ, что успѣхъ занятій и всѣхъ дѣлъ можетъ быть только отъ Господа.

Можно ли сказать, что нѣтъ времени—для того, чтобы поговѣть и причаститься св. Таинъ? Ужели говѣніе и причащеніе для нихъ такъ мало-важны, что для нихъ не остается отъ занятій и немногихъ дней въ году? На все есть время, и даже заранѣе распредѣляютъ его; а для говѣнія и причащенія нѣтъ. Но св. Церковь нарочитое опредѣлила время — четыре

поста въ году, а въ особенности нынѣшній великій постъ?... Одно можно сказать о таковыхъ: небрегутъ о своемъ спасеніи, заблудились и становятся неблагодарными предъ Богомъ и Его Церковію.

Братіе, говѣніе и причащеніе св. Таинъ есть дѣло важнѣйшее; выше, нужнѣе и спасительнѣе этого дѣла для христіанина нѣтъ и не можетъ быть; безъ причащенія христіанину не возможно спастись. *Аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, не пьете крови Его, живота не имате въ себѣ (Іоан. 6, 53)*, сказалъ Спаситель.

Будемъ, бр., просить Господа, да вразумитъ Онъ такихъ заблудшихъ!

Поученіе во св. четырдесятницу предъ принятіемъ св. Таинъ.

Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!

Слуш. благочестивые! Не къ вамъ ли съ сими словами обращается наша мать Церковь? Да, она къ вамъ такъ внушительно взываетъ. Вы въ эту недѣлю говѣли, усиленно молились Богу, каялись во грѣхахъ своихъ, а теперь желаете приобщиться св. Таинъ. Такъ вамъ-то, износя св. Чашу для приобщенія вашего, св. Церковь и говоритъ: *«Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите»*. Но неужели эта св. Чаша, къ которой вы желаете приступить, во исцѣленіе души и тѣла, можетъ быть страшной? Да, эта Чаша святая и страшная! Она, по слову Господа, будетъ однимъ изъ насъ въ жизнь вѣчную, а другимъ — въ осужденіе вѣчное. По слову же св. Златоуста, эта Чаша—огонь Божественный, достойныхъ освѣщающій, а недостойныхъ—опалющій и сожигающій. А потому можно ли безъ страха приступать къ ней?

Страшно, если мы и достойны, ибо въ причащеніи Самъ Господь вселяется въ насъ, Самъ Господь будетъ намъ свѣтомъ и радостію. Но несравненно страшнѣе, если мы причастимся недостойными, ибо недостойный, по слову Господа, *судъ себѣ ястъ и пьетъ*. Вотъ почему св. Церковь насъ недостойныхъ и предостерегаетъ, говоря: *«Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите»*, т. е. сими словами какъ бы такъ говоритъ она намъ: «дѣти, пользуйтесь предпоследней минутой, придите въ страхъ и еще разъ испытайте себя, нѣтъ ли на

комъ грѣховныхъ пятенъ, или язвъ, о которыхъ вы не думали и не сокрушались, или же сокрушались, да мало.

Итакъ, други, вдумайтесь, достойно ли вы приготовлены, и приступайте ли съ полною вѣрой; если достойны, то приобщитесь въ жизнь вѣчную и наоборотъ — въ осужденіе вѣчное... Особенно ты, недостойный, проникни сознаниемъ своего недостойнства, ибо въ чашѣ сей предлагается тебѣ истинное Тѣло и Кровь Господа; вокругъ ея трепетно, лица свои закрывая, предстоятъ невидимо силы ангельскія; можешь ли ты приступить къ ней, не исполнившись спасительнаго страха Божія?..

Будь въ этомъ случаѣ подобенъ благоразумному разбойнику, который на крестѣ, за минуту до смерти, исполнившись страха Божія, приготовилъ себя въ рай... Не стыдись въ сію послѣднюю минуту пролить свои сердечныя слезы о своемъ недостойнствѣ, и приготовь себя! Вздохни молитвенно и съ сердечнымъ сокрушеніемъ скажи такъ: «Господи, великій я грѣшникъ, окаянень я и нѣтъ счета моимъ грѣхамъ и беззаконіямъ! Но Ты, Господи, ради спасенія нашего, пролившій на крестѣ Пречистую кровь Свою, прости меня недостойнаго и сподоби меня неосужденно причаститься Св. Твоихъ Таинъ».

Поученіе къ причастникамъ, послѣ принятія Св. Таинъ.

Добрые, исполненные Свѣта и радости, благоч. слушатели! Вы сейчасъ воспріяли въ себя Божественный Свѣтъ—Пречистое Тѣло и Кровь Господа Иисуса Христа; слѣдовательно вы теперь сосудъ чистый, храмъ святой, гдѣ вечереютъ, бесѣдуютъ Самъ Господь съ вашей душою. Въ храмъ вашего тѣла, внутри васъ, теперь свѣтъ и радость неизреченныя, предъ которыми трепещутъ св. Ангелы... Вы теперь чисты и святы, какъ никогда... Припомните, какими вы были не далѣе, какъ вчера, до всепрощающихъ таинствъ покаянія и причащенія? Вы были сосудомъ больнымъ, прокаженнымъ, а многіе—вертепомъ злобы и грѣха. А теперь? Теперь—сосудомъ здоровымъ, храмомъ святымъ, прибѣжищемъ благодати, мира и любви, теперь въ васъ—Самъ Господь!

Что же вамъ поблагожелать въ день вашей радости и что сказать для назиданія? Не нахожу ничего болѣе лучшаго и полезнаго, какъ остановить ваше благочестивое вниманіе на исцѣленіи Иисусомъ Христомъ разслаблен-

наго при овчей купели. Исцѣливъ 38 лѣтъ болѣвшаго отъ недуга его, Спаситель сказалъ ему: *«се здравъ еси: къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ»* (Іоан. 5,14). Подобными словами Спасителя и я, преподавъ вамъ св. Тѣло и Кровь Господа въ исцѣленіе души и тѣла, скажу: *«се здравъ еси: не согрѣшай»*, т. е. вы теперь здравы, чисты и святы, такъ уже больше не грѣшите.

Думали ли вы, мои други, о томъ, чтобы теперь уже не грѣшить? Если нѣтъ, то, во имя спасенія вашего, подумайте и постарайтесь не грѣшить. Постарайтесь прежнюю грѣховную жизнь замѣнить жизнію по Богѣ—доброю и благочестивою; ибо безгрѣшный Господь, обитающій въ васъ, не терпитъ—не любитъ грѣха, не потерпитъ, разлюбитъ и оставитъ васъ согрѣшающихъ. Тогда, по слову Того же Господа, будетъ для васъ «горше»..

Какъ было бы отрадно, если бы слова мои запечатлѣлись глубоко въ вашихъ теперь чистыхъ сердцахъ; если бы вы, чистыя, отнынѣ рѣшились блюсти свою чистоту; рѣшились начать жизнь по Богѣ, убѣгать грѣха. Тогда бы Господь, сей часъ обитающій внутри васъ, пребылъ бы навсегда съ вами... Господи всесильный, направь насъ на путь правый!

Церкви Тифлисскаго воен. госпиталя священникъ Тимоѳей **Веселовскій**.

Историческія свѣдѣнія о происхожденіи колоколовъ и значеніе ихъ въ жизни христіанъ.

Древнѣйшимъ средствомъ собиранія вѣрующихъ на общественную молитву были трубы. Съ устройствомъ скинии, какъ опредѣленнаго мѣста богослуженія, Господь Богъ повелѣлъ созывать народъ израильскій къ Богослуженію звукомъ трубъ.

«И говорилъ Господь Моисею и сказалъ: сдѣлай себѣ двѣ серебряныя трубы, чеканныя сдѣлай ихъ, чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества. Когда затрубятъ ими, соберется къ тебѣ все общество къ дверямъ скинии собранія. Сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это да будетъ постановленіемъ вѣчнымъ въ роды ваши (Чис. X. 1. 3. 8.).

И въ день веселія вашего и въ праздники ваши трубите трубами, при всесоженіяхъ вашихъ и при благодарственныхъ жертвахъ вашихъ и сіе будетъ вспоминаніемъ о васъ предъ Богомъ вашимъ», (Чис. X 10). Этотъ

способъ созывать народъ къ Богослуженію предписанъ былъ еврейскому народу для напоминанія, что Господь есть Пастырь его, а евреи овцы пажити его. Какъ пастухъ звуками рога собираетъ разсѣянное по долинамъ стадо, такъ гласъ трубный созывалъ народъ еврейскій къ священной скинии Бога-Пастыря.

Самъ Господь въ Священномъ Писаніи нерѣдко изображается подъ видомъ добраго пастыря: «И повелъ народъ свой, пишетъ пр. Давидъ, какъ овецъ и вель ихъ какъ стадо, пустынею вель ихъ безопасно и они не страшились, и враговъ ихъ покрыло море. И привелъ ихъ въ область святую свою... Гору Сионъ, которую возлюбилъ (Псал. 77. 52. 54. 68. 79. 2).

Такъ же собирався народъ къ Богослуженію и въ Иерусалимскомъ храмѣ.

По вознесеніи Иисуса Христа на небо ученіе Его стало распространяться на землѣ, но оно встрѣчено было жестокими гоненіями; подъ страхомъ смерти христіане не могли открыто совершать богослуженія и на свои молитвенныя собранія оповѣщались особыми нарочными вѣстниками, которые при малочисленности первенствующихъ христіанъ знали всѣ дома и съ разрѣшенія предстоятелей церкви созывали почти всѣхъ, кромѣ слабыхъ, въ село, ущелья и подземелья. И теперь еще въ нѣкоторыхъ монастыряхъ есть особые будильники, призывающіе братію на ночную молитву.

Съ прекращеніемъ гоненій у христіанъ вошли въ употребленіе такъ называемыя била, — доски мѣдныя, желѣзныя или деревянныя, — въ нихъ ударили молотками, или особыми колотушками и по звуку собирались къ службѣ Божіей. Въ христіанскихъ странахъ, находящихся подъ властью турокъ этотъ благовѣстъ уцѣлѣлъ и до сихъ поръ; только въ немногихъ мѣстахъ турки разрѣшаютъ употребленіе колоколовъ напр. на св. Афонской горѣ и др.

У насъ въ Россіи колокола входятъ въ употребленіе со времени св. Владиміра, и вводятся сперва въ главныхъ церквахъ, въ кафедральныхъ и великокняжескихъ, ибо всѣ колокола привозились съ Запада. При тогдашнемъ состояніи литейнаго дѣла и при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія колокола были большою рѣдкостью и малаго размѣра. Чудомъ былъ для нашихъ предковъ колоколъ въ 250 пуд., отлитый въ 1530 г. Новгородскимъ архіепископомъ (впослѣдствіи митрополитомъ) Макаріемъ для церкви св. Софій. Онъ показался современникамъ «весьма великъ яко такового величствомъ не бывало: яко страшной трубѣ гласящи». Не сразу но лишь

мало по малу достигали наши храмы теперешняго ихъ благолѣпія и благоустроенности. Прошло не мало времени прежде, чѣмъ литые колокола въ нашемъ отечествѣ сдѣлались дѣломъ обычнымъ. —прежде чѣмъ они увеличались въ своихъ размѣрахъ, прежде чѣмъ съ перекладины во входныхъ воротахъ, положенной на два столба, съ крѣпостныхъ стѣнъ изъ просвѣтовъ между забралами, гдѣ они прежде вѣшались, поднялись они повсюду на наши высокія колокольни. Да и теперь еще во многихъ отдаленныхъ уголкахъ матушки св. Руси въ обиталяхъ малыхъ и вѣсяхъ висятъ два—три колокола на столбикахъ. Но если бы запросить эти колокола: какъ они созидались, откуда они взялись,—какая была бы для насъ назидательная исторія въ этомъ. Сколько они повѣдали бы намъ о радости и горѣ, входахъ и исходахъ, о смерти и о жизни православнаго народа русскаго подъ ихъ звуки. Кто исчислитъ толпы взрослыхъ и дѣтей подъ ихъ звонъ изъ года въ годъ во дни праздниковъ, посты и въ будни приходящихъ въ наши храмы. Сколько сердець о мирѣ съ Богомъ подъ звуки ихъ вздыхаютъ и о нисполаніи его въ душу къ небу вопіютъ. Мертвыхъ кто изочтетъ, коихъ звонъ церковныхъ колоколовъ къ вѣчному покою провожалъ и провожаетъ.

Звонъ церковный ни съ чѣмъ не сравнимый и ничѣмъ не замѣнимый—какъ способъ призыва вѣрующихъ на молитву. Звонъ колоколовъ—особенность въ христіанскомъ Богослуженіи въ высшей степени поучительная. На другія собранія можно приглашать чрезъ вѣстниковъ, чрезъ посыльныхъ, письмами, чрезъ объявленія, телеграфы и т. д.; въ храмы же, въ домъ Божій призываетъ Богъ: посему-то и нужно, чтобы и призывъ напоминалъ Бога и звуки этого призыва трогали-бы сердца призываемыхъ. Ни какой иной инструментъ не могъ-бы выполнять это назначеніе въ томъ самомъ объемѣ, какъ выполняетъ его колоколъ. Звонъ нашихъ колоколовъ единственный въ своемъ родѣ и ничѣмъ другимъ не замѣнимый.

Уже когда колокола на западѣ только еще входили въ употребленіе, язычники Римской Имперіи, почасту слыша звонъ этихъ колоколовъ, говорили: «гласъ Божій это; это глосъ христіанскаго Бога слышенъ». И въ словѣ ихъ болѣе правды, чѣмъ сколько ея кто-нибудь предполагалъ-бы въ немъ. Хотя колокольный звонъ и не молитва, хотя сами колокола и никогда въ церкви не бываютъ: бездушны они, а все-таки они во славу Божию звонятъ; хотя своимъ биломъ, языкомъ они рѣчей вести не могутъ, а

вѣсти подають: земле, земле, земле, какъ-бы такъ говорятъ они, слыши слова Господни (Иер. XXII. 29); а потомъ соединяя во едино свои тоны, какъ-бы такъ уже поють: «идите въ церковь, идите всѣ и взрослые и дѣти; станьте предъ Богомъ, не препятствуйте дѣтямъ приходить къ Нему (Мѣ. XIX. 14).

У древнихъ евреевъ голубая верхняя одежда первосвященника, ефодъ имѣла по подолу разноцвѣтныя яблоки и золотыя позвонки между ними. Эти то звонки со своими звуками были символами Божія слова, откровений Божіихъ и возвѣщеній ихъ. Въ ефодѣ, украшенномъ звонцами, еврейскій первосвященникъ былъ олицетворителемъ и носителемъ сходящаго съ неба Божественнаго слова и свидѣтельства о немъ. Только въ этой одеждѣ онъ могъ приближаться къ Богу и предъ Нимъ возсылать ходотайственныя молитвы и приносить жертвы за народъ. Подобное значеніе имѣють у насъ наши колокола церковныя; трижды въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ напоминають они объ иномъ мірѣ, объ иныхъ заботахъ. О пр. Даніилѣ извѣстно, что онъ трижды въ день восходилъ на кровлю своего дома и тамъ въ уединенной комнаткѣ, отворивъ окно, что востокъ, падалъ на колѣни, прославлялъ и благодарилъ Бога.

Вечеромъ, утромъ и въ полдень умолялъ онъ Бога и взывалъ къ Нему, дабы онъ услышалъ гласъ смиреннаго раба своего (Псал. LI V. 18).

Могущественна, таинственна и неотрозима сила церковнаго благовѣста. Среди праздничнаго покоя, какъ-бы вся тварь съ надеждой ожидаетъ откровенія славы сыновъ Божіихъ. (Рим. VIII, 18 и 19).

Вотъ раздается благовѣстъ церковнаго колокола: всѣ крестятся; всѣ болѣе или менѣе возбуждаются. Это голосъ добраго Пастыря раздается; это Онъ зоветъ овецъ своихъ по имени (Іоан. X, 11. 3).

Стоить только прислушаться къ этому церковному благовѣсту, стоитъ прикинуть и остановится на время на тѣхъ ударахъ сердечныхъ, которые раздаются въ сердцѣ человѣка при слышаніи колокольнаго звона. Съ гуломъ вдали колокола и съ призывомъ чрезъ него въ мѣста священныя пробуждаются въ душѣ возвышенныя чувства трепета, оживленія, мира и воодушевленія. Такъ какъ колокола церкви никогда, когда мы внимаемъ ихъ призыву, насъ не обманываютъ; такъ какъ въ храмахъ Божіихъ мы или отъ безопасности и дѣльности пробуждаемся, или въ печаляхъ утѣшаемся;

такъ какъ никто еще изъ искавшихъ здѣсь утѣшенія или укрѣпленія не выходилъ отсюда съ поникшею головою и разбитымъ сердцемъ, но всѣ люди, приходившіе съ искреннимъ сердцемъ, находили здѣсь гораздо болѣе, нежели чего ожидали въ своихъ надеждахъ, то сколько радости колокола церкви проливаютъ въ своихъ звукахъ во всѣ уголки нашихъ городовъ и селеній, какъ глубоко эти звуки проникаютъ въ наши сердца. Столько благодати и всепрощенія слышится въ сильныхъ, могучихъ и унылыхъ звукахъ колокола, разливающихся въ воздухъ и поднимающихся къ самымъ небесамъ.

Столько сочувствія, снисхожденія и милости слышится въ этихъ звукахъ всѣмъ грѣшнымъ, бѣднымъ, обремененнымъ, скорбящимъ и озлобленнымъ, помощи требующимъ и заступленія. Да! это голосъ Основателя, Главы и Пастыря Іисуса Христа, призывающаго овецъ своихъ (Іоан. X. 3. 2).

Съ другой стороны сколько осужденія слышится въ тѣхъ звукахъ всѣмъ, для кого ни въ чемъ ничего нѣтъ святого, кто отъ вѣры и отъ Церкви отпалъ. Какой укоръ слышится въ этихъ звукахъ церковнаго благовѣста и сожалѣніе о бывшихъ приглашенными, но придти не захотѣвшихъ, сколько тутъ опять правды, добра и старанія Церкви вернуть ихъ во дворъ овчій. Какими печальными тонами отзывается колокольный звонъ въ комнатѣ боготступника и нечестивца!

Трудно передать и пересчитать все множество мыслей добрыхъ, мечтаний и чувствъ, какое навѣваетъ въ душѣ человѣка колокольный звонъ. Достигая уха, онъ приноситъ ободреніе въ лачугу бѣдняка, усладу въ мѣста страданій, отраду къ смертному ложу. Утомленный путникъ, заслышавъ благовѣстъ церковный, подкрѣпляется сладкою надеждою скоро быть дома! Въ туманъ, въ ненастье, въ темный зимній вечеръ или въ страшную снѣжную вьюгу, когда не видно бываетъ ни неба, ни окрестностей, слышится звукъ колокола для блуждающаго, это надежда избѣжать неминуемой смерти. Начавшійся пожаръ колокольнымъ звономъ, разбудившимъ спящихъ, прекращается.

Недаромъ нашъ народъ говоритъ, что колоколь вызваниваетъ души изъ ада. Въ этомъ повѣрьи глубокая истина, удостовѣренная многими примѣрами спасенныхъ душъ, о которыхъ доподлинно извѣстно, что ихъ спасъ отъ вѣчной гибели ударъ колокола. Народъ нашъ издревле вѣритъ, что, гдѣ звонятъ въ колокола, оттуда злые демоны удаляются, бѣгутъ. Встѣ малодушный, сбитый съ толку разгуломъ или превратностями жизни, гото-

вится посягнуть на свою жизнь, уже извлекъ мечъ и хотѣлъ умертвить себя (Дѣян. XVI, 27), но ударъ колокола, коснувшійся его слуха и сердца голосомъ живого человѣка говорить къ нему: не дѣлай себѣ никакого зла; вѣруй во Христа. (Дѣян. XVI, 28). Такъ способны колокола и отъ грѣха насъ обращать на путь истинный, отворять грѣшнику дверь спасенія. И несомнѣнно велико число тѣхъ, которые звукомъ колокола предохранены отъ совершенія преступленій, грѣховъ, увлеченій, соблазновъ.

Такое значеніе имѣютъ для насъ наши колокола и съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится православный русскій человѣкъ къ церковному благовѣсту и звону, этому голосу неба на грѣшной землѣ, въ этой юдоли плача, грѣха и озлобленія. Не даромъ же на нашемъ языкѣ церковный звонъ и называется благовѣстомъ: дѣйствительно въ волнахъ колокольнаго звона съ высотъ при нашихъ Божіихъ храмахъ льется разнообразно благая вѣсть по міру, вѣсть призывающая къ единству и взаимообщенію. Это языкъ, голосъ трубы воинствующей Церкви. Или это на говорящія уста, когда колоколь даетъ намъ знать о каждомъ часѣ, о теченіи каждаго часа, даже о минутахъ времени, напоминаетъ намъ и о томъ даже моментѣ, когда невидимый перстъ напишетъ на землѣ: исчислено, взвѣшено, раздѣлено. (Дан. V, 5, 25—28). Прейдетъ нѣкогда земное все и болѣе времени уже не будетъ (Апок. X, 6); предъ вѣчностью ничто не устоитъ: этому колокола насъ учатъ напр. тогда, когда звонъ ихъ умолкаетъ. Но не напоминаютъ-ли они уже и самую свою мѣдью, своимъ разнообразнымъ металлическимъ составомъ, и пресвитерамъ церкви и вѣрнымъ чаще и чаще собирать и собираться для молитвы. Не напоминаютъ ли намъ крестообразно-положенныя балки, къ которымъ колоколь подвѣшенъ, о необходимости столь твердо держаться своего исповѣданія подъ крестомъ жизни, какъ твердо прикрѣпленъ къ нему колоколь желѣзомъ.

Такъ какъ звонъ церковныхъ колоколовъ слышимъ мы при разнообразнѣйшихъ положеніяхъ и условіяхъ нашей жизни, то они способны пробуждать въ насъ и разнообразныя чувства. Отъ колыбели до гроба какаѣ дѣпъ у насъ чувствъ и ощущеній связывается съ колокольнымъ звономъ, сколько страданій и радостей, сколько плача и восторга приплетается къ скромнымъ и пріятнымъ колокольнымъ звукамъ нашего дѣтства и юношества. Живыхъ насъ они пробуждаютъ, насъ зовутъ, напоминаютъ намъ; но и мертвыхъ еще чествуютъ, ибо въ бездушномъ тѣлѣ Церковь еще видитъ и чтитъ часть нашего существа, оглашая нашъ слухъ похороннымъ звономъ.

То, конечно, правда, что церковный звонъ не всегда производитъ на насъ одинаковое впечатлѣніе. Тысячу разъ его мы слышимъ, и однако же лишь при особыхъ настроеніяхъ, случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни онъ имѣетъ на насъ особенно благотворное дѣйствіе. Это оттого, конечно, что всему свое время, какъ говорилъ прем. Соломонъ (Екл. III, 1). Колокольный звонъ воспринимается нами неодинаково по неодинаковости нашей настроенности, отъ забвенія и неустойчивости, отъ недостаточнаго вниманія, упражненія въ размышленіи и молитвѣ, отъ нашей плотности, дебелости и себялюбія. Не приходилъ-ли мы по той же самой причинѣ и въ дерковъ не по церковному настроенными, а по мірскому, съ сердцемъ обращеннымъ къ міру и его виѣшнимъ удовольствіямъ, озабоченные дѣлами житейскими, съ душою занятою суетнымъ, измѣнчивымъ, тлѣннымъ, земнымъ, являемся почти не подготовленными для благодатнаго воздѣйствія св. Божіихъ храмовъ и службъ въ нихъ совершаемыхъ. Но вотъ какой нибудь стихъ церковной пѣсни, какой нибудь моментъ церковной службы яркимъ лучомъ проникаетъ въ нашу омраченную грѣхами душу, и внутренній нашъ человѣкъ какъ бы просыпается и возбуждается.

Точно также и въ мощныхъ звукахъ церковныхъ колоколовъ, въ разнообразныхъ тонахъ церковнаго трезвона нерѣдко слышится человѣческому сердцу призывъ — откровенье свыше, которымъ Господь дѣйствуетъ на внутреннее наше чувство, будитъ его, отрезвляетъ насъ отъ ложныхъ мечтаній о себѣ, открываетъ намъ слухъ и очи, очищаетъ насъ отъ помысловъ суетныхъ и похотей лукавыхъ.

Будемъ же внимать зову церковныхъ кампановъ — колоколовъ, освященныхъ какъ бы къ благовѣстію свыше, дабы по словамъ церковной молитвы: «яко да услышавши вѣрніи раби твои гласъ звука его, въ благочестіи и вѣрѣ укрѣплятся, и мужественно всѣмъ діавольскимъ навѣтомъ сопротивостануть и молитвами и всегдашнимъ славословіемъ тебе истиннаго Бога, сія повѣдаютъ, къ церкви же на молитву и славословіе святаго имени твоего во дни и въ ноши спѣшно, яко же ведоми и ведутся, да утолятся и утѣшатся, и престанутъ и нападающія бури вѣтренныя, грады же и вихри и громъ страшныя и молніи, и злорастворенныя и вредныя воздухи гласомъ его» (колокола). (Молитва на освященіе кампана).

Священникъ С.-Петербургской Гаваньской церкви Александръ **Алексѣевъ**.

Столѣтній юбилей Павловскаго Военнаго Училища.

Юбилейныя торжества Павловскаго Военнаго Училища начались 22-го декабря прошлаго 1898 г. Въ этотъ день къ 9 часамъ утра собрались начальство и юнкера училища, высшее военное общество, бывшіе воспитанники училища во главѣ съ бывшимъ питомцемъ училища—г. Военнымъ Министромъ г.-лейт. А. Н. Куропаткинымъ въ Петропавловскій соборъ. Къ тому же времени прибыла въ соборъ и депутація французской военной Сен-сирской школы въ составѣ двухъ офицеровъ и двухъ юнкеровъ. Въ 9 часовъ прибыли въ соборъ до ста воспитанницъ Павловскаго Института, (справлявшаго тоже свой столѣтній юбилей) съ своимъ начальствомъ. Предъ литургіей отъ Павловскаго воен. училища были возложены роскошные вѣнки на могилу основателя училища Императора Павла I-го и на могилу Императора Александра III го. На могилу послѣдняго возложенъ былъ роскошный вѣнокъ и отъ французской Сен-сирской школы. Ровно въ 9 часовъ началась литургія, которую совершалъ настоятель церкви Павловскаго воен. училища и законоучитель его о. протоіерей Вознесенскій съ законоучителемъ Павловскаго Института о. Велтистовымъ, священникомъ собора о. Дерновымъ и соборнымъ причтомъ. На правомъ клиросѣ пѣли воспитанницы института, на лѣвомъ юнкера. Торжественно шла заупокойная литургія, по окончаніи ея совершена панихида по усопшимъ Императорамъ Павлу I мъ, Александрѣ I-мъ, Николаѣ I-мъ, Александрѣ II-мъ и Александрѣ III-мъ. Въ концѣ панихиды духовенство и высшее военное общество направились къ гробницѣ Императора Павла I-го; здѣсь совершена была литія; при приглашеніи вѣчной памяти всѣ присутствующіе преклонили колѣна предъ гробницей Императора-основателя училища. Въ 7 часовъ вечера того же дня въ церкви Павловскаго воен. училища совершена была торжественная всенощная. Службу совершали законоучители училища прот. о. Вознесенскій съ бывшими законоучителями прот. о. Михайловскимъ и свящ. о. Рождественскимъ. Церковь училища была переполнена преимущественно военными во главѣ съ г. Военнымъ Министромъ. По окончаніи службы, предъ панихидой, законоучитель училища прот. о. Вознесенскій произнесъ приличествующее празднеству слово, ниже помѣщаемое.

Къ 10 часамъ утра 23-го числа все училище собралось въ Михайловскій манежъ. Туда же прибыли и институтки павловскія съ ихъ началь-

ствомъ. Манежъ былъ переполненъ высшимъ военнымъ обществомъ. Ровно въ 11 часовъ прибылъ Государь Императоръ. Баталіонъ училища взялъ на-карауль. Забили барабаны; знамена склонились. Музыка играла «встрѣчу» — маршъ временъ Павловскаго кадетскаго корпуса. Государь былъ въ формѣ училища. Принявъ рапортъ отъ командующаго парадомъ Государь, сопровождаемый блестящей свитой, обходилъ фронтъ юнкеровъ, здороваясь съ ними. Музыка играла: «Боже Царя храни». По окончаніи обхода Государь подшелъ къ мѣсту, назначенному для Богослуженія. Посрединѣ манежа стояли аналой съ св. крестомъ и евангеліемъ и предъ нимъ духовенство: Протопресвитеръ О. А. А. Желобовскій, нынѣшній законоучитель училища о. Вознесенскій и бывшій о. Рождественскій; справа стоялъ хоръ пѣвчихъ л.-гв. Преображенскаго полка. Впереди аналая стояло пожалованное училищу новое знамя. Начальникъ училища г.-м. Зераке прочиталъ предъ фронтомъ училища Высочайшую грамоту о пожалованіи знамени; послѣ того имъ же прочтены статьи изъ воинскаго устава о знамени и карѣ за потерю онаго. Началось молебствіе на освященіи знамени, положенное по чину. По прочтеніи молитвы О. Протопресвитеръ освятилъ знамя и вручилъ его Государю Императору. Государь Императоръ передалъ знамя колѣнопреклоненному начальнику училища, а сей въ свою очередь колѣнопреклоненному знаменщику. Въ концѣ молебствія законоучитель училища прот. о. Вознесенскій предъ фронтомъ училища прочиталъ присягу знамени, слова которой повторяли за нимъ начальство и юнкера училища, а затѣмъ протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе, вѣчную память въ Божѣ почившимъ Императорамъ Павлу I-му, Александру I-му, Николаю I-му, Александру II-му и Александру III-му и всѣмъ на брани животь свой положившимъ, и многолѣтіе христіюбивому воинству. Государь Императоръ и Великіе Князья приложились ко св. кресту.

Баталіонъ юнкеровъ, имѣя 3 знамени (новое и два старыхъ), молодецки прошелъ мимо Государя два раза; при чемъ оба раза въ концѣ шла шеренга юнкеровъ въ историческихъ формахъ прежняго времени. Баталіонъ удостоился Царскаго «спасибо». Государь Императоръ, подойдя къ приготовленному столику съ пробной порціей, изволилъ выпить чарку за процвѣтаніе училища и за здоровье юнкеровъ бывшихъ и настоящихъ. Громовое ура огласило манежъ. Начальникъ училища провозгласилъ тостъ за драгоценное здоровье Его Величества, Державнаго Шефа Павловскаго воен. училища; громовое ура снова потрясло стѣны манежа. Затѣмъ Государь

Императоръ, изволивъ сказать еще разъ свое Царское спасибо баталіону училища, отбылъ изъ манежа.

Въ 5½ часовъ въ училищѣ состоялся юнкерскій товарищескій обѣдъ, въ которомъ приняли участіе и бывшіе юнкера, занимающія высокія военныя должности. Обѣдъ прошелъ весьма оживленно среди бесѣды тысячи молодежи и почтенныхъ генераловъ—ветерановъ. 24 декабря, какъ день сочельника, прошелъ безъ особаго торжества. Вечеромъ была въ училищной церкви отслужена всенощная. Но особенною торжественностью отличалось Богослуженіе въ училищной церкви въ самый праздникъ Рождества Христова. Церковь была переполнена воинскимъ военнымъ обществомъ во главѣ съ Военнымъ Министромъ. Глубокое впечатлѣніе произвело громкое и внятное чтеніе благодарной молитвы, слова которой такъ знаменательны и высоко художественны. Впечатлѣніе усиливалось отъ чувства благодарности Богу, въ продолженіе цѣлаго вѣка являвшему свои милости училищу... Послѣ молебна всѣ присутствующіе собрались въ залъ училища. Начальникъ училища прочелъ краткую историческую записку за 100 лѣтъ существованія училища. Затѣмъ началось чтеніе адресовъ отъ различныхъ военныхъ учреждений. Этимъ и окончились юбилейныя торжества собственно съ церковной стороны. Товарищескія же собранія продолжались до 27 числа—до дня отбытія изъ Петербурга депутаціи французской военной Сенсирской школы. Пожелаемъ же Павловскому училищу дальнѣйшаго процвѣтанія его.

Слово на день празднованія столѣтія Павловскаго Военнаго Училища.

Помянухъ дни древнія и поучихся (Псал. 142, 5.)

Въ настоящій день, когда истекаетъ столѣтіе училища нашего и наступаетъ второй вѣкъ его, особенно благовременнымъ представляется привести себѣ на память изреченіе Псалмопѣвца: «*помянухъ дни древнія и поучихся*». Въ хартіяхъ лѣтъ древнихъ, въ лѣтописяхъ исторіи цѣлаго вѣка, протекшаго надъ училищемъ симъ, есть чему поучиться.

Учрежденіе, изъ коего возникло училище наше, въ началѣ основанія своего представляло только обычный малый пріютъ для бѣдныхъ дѣтей; за-

тѣмъ оно постепенно возрастаетъ и переходя, такъ сказать, отъ силы въ силу, въ теченіе вѣка вырастаетъ до такой величины, что ежегодно выпускаетъ изъ стѣнъ своихъ до двухъ сотъ руководителей православнаго воинства, вѣрныхъ слугъ Царя и Отечества. Велико число ихъ за истекшее столѣтіе! И теперь и здѣсь мы имѣемъ утѣшеніе видѣть вмѣстѣ съ нами собравшихся на молитву многихъ бывшихъ питомцевъ сего училища, занимающихъ высокія воинскія должности, и среди ихъ одного волею Державнаго Монарха поставленнаго даже во главѣ военнаго вѣдомства. А сколько отсутствующихъ, несущихъ службу дорогой родиной въ обширныхъ предѣлахъ земли Русской! Посмотрите, наконецъ, на эти доски, украшающія столпостѣны храма нашего. Сколько дорогихъ именъ начертано на нихъ золотыми буквами. Вѣдь это все сыны училища сего, положившіе животъ свой на брани за Вѣру, Царя и Отечество. Здѣсь имена ихъ начертаны золотыми буквами, а какимъ яркимъ блескомъ сіяютъ они въ книгѣ живота вѣчнаго, въ свѣтлыхъ обителяхъ Царя Славы! Что же все это внушаетъ намъ? Не то ли, что надъ симъ домомъ ученія видимо почиваетъ Божіе благословеніе.

Представляется при этомъ, однако, и такая мысль: учебное заведеніе наше (какъ и другія многія подобныя ему) готовитъ исключительно воиновъ, людей брани, учитъ умирать за Вѣру Царя и Отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отнимать жизнь у другихъ, у враговъ нашихъ, — слѣдовательно учитъ умирать и умертвлять, проливать кровь человѣческую... Мысль мрачная и тяжелая... Но не само ли Слово Божіе Господа мира именуетъ и *Богомъ браней*? Не Онъ ли Самъ *научаетъ руку людей Своихъ на ополченіе и персты ихъ на брань* (Псал. 143, 1)? Девятнадцать вѣковъ истекаетъ съ тѣхъ поръ, какъ грѣшной, матушкой землѣ нашей возвѣщены съ неба *миръ и благоволеніе въ человѣцѣхъ*... Вотъ пройдутъ только двѣ ночи, какъ настанетъ третья, среди тишины которой снова будетъ разноситься вождельнная ангельская пѣснь и оглашать и наши храмы и наши дома: — *«Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»*... (Лук. 2, 14). Не такъ давно, какъ бы подъ наитіемъ этой священной пѣсни, съ высоты трона миролюбиваго Монарха нашего, раздалось тоже вождельнное слово мира, призывающее правительства и народы къ миру, къ возможному сокращенію столь тягостныхъ современныхъ вооруженій... О когда бы Господь мира устами Возлюбленнаго Помазанника Своего, миролюбиваго Государа нашего, *изглаголаъ миръ на люди своя*!... Не на-

прасно же и святые пророки прозрѣвали наступленіе тѣхъ блаженныхъ дней, когда люди *перекуютъ мечи свои на плуги и копья свои на серпы*... Но наступленіе этого блаженного времени вѣдомо только Единому Всевѣдущему Богу. До этой блаженной поры училище наше (какъ и другія подобныя ему) должно выполнять свою задачу и стоять на высотѣ своего призванія... Да процвѣтаетъ же сей домъ ученія! Питомцы его да воспитываютъ въ себѣ духъ преданности Царю и Отечеству, — духъ истиннаго героизма; но вмѣстѣ съ тѣмъ да растворяютъ этотъ геройскій духъ христіанской любви — этой величайшей изъ силъ человѣчества, которая была, есть и пребудетъ таковой на вѣки.

Возблагодаримъ же Господа Бога за Его милости, въ мимошедшемъ вѣкѣ явленныя намъ; да пробавитъ Онъ таковыя и въ наступающемъ.

Владыко Вседержителю, времена и лѣта во Своей власти положенный! Благослови вѣнецъ наступающаго втораго вѣка надъ домою симъ, и въ прежняя пробави великія и богатыя Твои милости! Да множатся и возрастаютъ здѣсь всегда вѣрные сыны и защитники св. Вѣры, Царя и Отечества! Тѣхъ же, коихъ благоугодно Тебѣ было призвать къ Себѣ, кои положили животъ свой на полѣ брани, — покой въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ! Аминь.

Законоучитель Павловскаго военнаго училища, протоіерей Александръ **Вознесенскій**.

Рѣдкая панихида

(Памяти генераль-адъютанта Апостола Спиридоновича Костанды).

4-го декабря прошлаго 1898 года, вернувшись домой послѣ урока по Закону Божію, я не мало былъ удивленъ сообщеніемъ моей жены, встрѣтившей меня такими словами:

— «А къ тебѣ сейчасъ только приходилъ панъ-католикъ и просилъ передать, чтобы ты отслужилъ панихиду по недавно умершемъ генералѣ Костандѣ».

— Говорилъ онъ тебѣ объ этомъ по польски или по русски? спросилъ я жену, предполагая, что если говорилъ онъ по польски, то можетъ быть она и не такъ его поняла.

— «Правда»,—отвѣчала жена, — «говорить панъ по русски плохо, но что я вѣрно его поняла,— за это я ручаюсь, такъ какъ онъ упомянулъ, что генераль Костанда спасъ ему жизнь».

— Что же ты сказала ему въ отвѣтъ на его просьбу?— «Сказала, чтобы онъ пришелъ къ тебѣ чрезъ полчаса».

Жду. Въ то же время крайне заинтересованный переданной просьбой, думаю про себя: что за рѣдкое исключеніе представляетъ изъ себя этотъ панъ, если онъ, не боясь пересудовъ своихъ собратьевъ по вѣрѣ, пришелъ ко мнѣ,—схизматику да еще священнику,—съ такой необычайной для католика просьбой? Ужъ не мистификація ли какая нибудь или просто не выдумка ли,—спрашивалъ я себя,—это упоминаніе пана про спасеніе его генераломъ Костандой? Наконецъ, если генер. Костанда дѣйствительно спасъ ему жизнь, то когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ?

Мои размышленія были прерваны звонкомъ, извѣстившимъ меня о приходѣ пана. Прошу войти. Когда открылась дверь, я увидалъ предъ собою челоуѣка не много выше средняго роста, уже пожилого; на видъ такъ лѣтъ 55-ти, хотя видимо отличающагося еще крѣпкимъ здоровьемъ, съ открытымъ и симпатичнымъ выраженіемъ лица, одѣтаго, по здѣшнему обычаю мелкой шляхты, въ приличную тужурку.

Что особенно понравилось мнѣ въ выраженіи лица пана, такъ это глаза—смѣлые, довѣрчивые, неспособные на ложь и обманъ. Таково было впечатлѣніе при первомъ взглядѣ на пана.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? обратился я съ обычнымъ вопросомъ къ посѣтителю.

— «Панъ Г—чъ».

Приглашаю его садиться, и самъ же начинаю разговоръ: мнѣ уже извѣстна, панъ, ваша просьба, и я съ удовольствіемъ готовъ ее исполнить, тѣмъ болѣе, что она, навѣрное, вызвана самыми лучшими побужденіями вашей души, но не будете ли столь любезны—разсказать мнѣ, какъ вы спасены были отъ смерти нашимъ извѣстнымъ генераломъ Костандой. Предупреждаю, не изъ простаго любопытства прошу васъ объ этомъ, хотя случай, происшедшій съ вами, несомнѣнно и самъ по себѣ интересенъ, а потому прошу, что мнѣ, какъ русскому челоуѣку, отъ здѣшняго населенія всегда пріятно слышать добрыя рѣчи про нашихъ государственныхъ людей, которые, строго выполнивъ свой служебный долгъ, оставили по себѣ въ этомъ краѣ хорошую память. И такъ, панъ, доставьте мнѣ удо-

вольствіе своимъ разсказомъ, если только онъ не составляетъ тайны вашей души.

— «Извольте, батюшка, съ охотою исполню ваше желаніе», отвѣчалъ мнѣ панъ, «но опасаясь, чтобы вы не усмотрѣли въ моемъ разсказѣ намѣренія похвастоваться собою и своимъ геройствомъ».

Послѣ моего увѣренія, что я не имѣю причинъ и оснований отнестись такъ къ человѣку, котораго въ первый разъ вижу, панъ Г—чъ вотъ что мнѣ повѣдалъ:

«Какъ вамъ извѣстно, въ 1863 г. былъ польскій мятежъ, охватившій собою, какъ пожаромъ, весь здѣшній край. Въ то время я былъ еще совѣмъ молодымъ человѣкомъ,—мнѣ было всего 22 года. Такой возрастъ не можетъ похвалиться опытностью въ жизни, поэтому скажу про себя откровенно, что въ свои 22 года, я былъ неразуменъ, горячъ и могъ свободно сдѣлаться жертвою или орудіемъ въ рукахъ другихъ. Такіе люди, какъ я,—а такихъ было огромное большинство,—ловкими агентами безъ труда вербовались въ ряды мятежниковъ или повстанцевъ, поэтому не удивляйтесь, что въ 63 году я былъ однимъ изъ нихъ. То и дѣло доносившіяся до насъ вѣсти о пораженіяхъ нашихъ отрядовъ не приводили меня въ уныніе; мнѣ думалось, что для нашего успѣха нужно быть храбрымъ, что храбрость — какъ говорите вы, русскіе, — города беретъ. Скажу коротко и прямо: я ждалъ случая, чтобы отличиться, и не долго я ждалъ, онъ скоро представился»...

Панъ сдѣлалъ небольшую паузу и продолжалъ:

«12 червеца (іюня) горсть повстанцевъ, къ которой я принадлежалъ, имѣла стычку съ отрядомъ гусаръ, окончившуюся для нашихъ очень печально. Схватка эта, продолжавшаяся нѣсколько мгновеній, произошла между дер. Лендтъ ¹⁾ и посад. Загуровымъ, вблизи г. Калиша. Я, какъ и всѣ мои товарищи, былъ на конѣ, вооруженный револьверомъ. Гусары, какъ орлы, съ стремительною лихостью влетѣли въ середину нашихъ, начали рубить на право и налѣво и подъ сильнымъ натискомъ и мѣткими ударами ихъ мы не устояли, были смяты, и мои товарищи обратились въ бѣгство. Бѣгство своихъ меня возмутило и придало мнѣ какую то безумную отвагу: я рѣшилъ пастъ въ бою отъ руки врага, но не бѣжать отъ него; смерть мнѣ представлялась лучшею участью, чѣмъ стыдъ и досада за свое пораженіе. Я осадилъ своего коня на мѣстѣ, взвелъ револьверъ и выстрѣлилъ

¹⁾ За географическую точность не ручаюсь.

въ голову перваго подвернувшася гусара; убилъ-ли я его,—не знаю, потому что тотчасъ же сдѣлалъ на конѣ поворотъ въ другую сторону и началъ мѣтить въ маленькаго генерала, въ бѣломъ кителѣ, предполагая, что онъ есть главный начальникъ гусарскаго отряда. Это былъ генераль Костанда. Но кромѣ того, что онъ былъ генераль, онъ былъ человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Да, и изъ русскихъ есть люди хорошіе, достойнѣйшіе и благороднѣйшіе!»

— А въ этомъ еще вы не убѣждены, панъ? спросилъ я, но отвѣта не получилъ. Онъ продолжалъ свой рассказъ.

— «И такъ, я уже внимательно цѣлился въ генерала Костанду и онъ видѣлъ это, но на спокойномъ его лицѣ, какъ я замѣтилъ, не дрогнулъ ни одинъ мускуль, а только пристально смотрѣлъ на меня. Я готовъ былъ уже выстрѣлить въ него, какъ въ ту же секунду вихремъ налетѣлъ на меня гусаръ и ударомъ шашки въ затылокъ сшибъ меня съ лошади и въ то же мгновеніе этимъ ли гусаромъ или другими, съ увѣренностью сказать не могу, — мнѣ было нанесено еще шесть сабельныхъ ударовъ».

Проговоривъ послѣднія слова, панъ быстрымъ движеніемъ руки откинулъ вверхъ густую прядь сѣдыхъ волосъ и, показывая лобъ, спросилъ: «видите этотъ шрамъ? Это слѣдъ отъ одного изъ сабельныхъ ударовъ». Дѣйствительно, у пана на лбу, наискось, во всю длину его, слѣдъ этотъ очень ясно вырисовывался. Панъ продолжалъ: «Весь израненный, безпомощный, постепенно теряя сознаніе, лежалъ я на землѣ и ждалъ смерти. А что какъ со мною совсѣмъ прикончатъ? эта мысль пронеслась въ моемъ мозгу и сильно меня встревожила. Но вотъ вижу, — генераль Костанда подъѣзжаетъ ко мнѣ, говоритъ что то собравшимся вокругъ него гусарамъ, но что, именно говорилъ онъ, отъ ослабѣвавшаго сознанія понять не могъ; затѣмъ, вижу, какъ онъ устремилъ на меня свой взоръ, сначала строгій, а потомъ смѣнившійся выраженіемъ состраданія должно быть къ моей молодости и я слышалъ отданное имъ приказаніе: «Не добивать!» Отъ сильной потери крови въ этотъ моментъ сознаніе меня оставило... Я впалъ въ безпамятство. Когда въ первый разъ пришелъ въ себя, я былъ въ польской халупѣ у своихъ земляковъ. Какъ я попалъ сюда, — позвольте не рассказывать, да это и не интересно. Здѣсь первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, — была мысль о добромъ генералѣ Костандѣ, голосъ котораго произнесшій «не добивать!» и теперь, спустя

30 слишкомъ лѣтъ, звучить въ моихъ ушахъ. Гусарскія шашки дали себя знать: отъ ихъ ударовъ я цѣлый годъ проболѣлъ и въ теченіе его были дни, когда болѣзнь моя особенно обострялась, такъ что почти совсѣмъ пропадала надежда на выздоровленіе; но молодой организмъ все пересилилъ, поборолъ всѣ недуги и, по милости Божіей, ко мнѣ вернулась жизнь и прежняя сила. На своемъ вѣку, вслѣдствіе разныхъ причинъ, смерть не разъ заглядывала мнѣ въ глаза, но спасеніе мое въ 63 году я считаю не случаемъ, а чудомъ Божиимъ, и память своего избавителя я свято чту. Память о генералѣ Костандѣ буду всегда хранить не только я, но и дѣти мои, и внуки мои. Вѣчная память ему! говорю эти слова отъ всей благодарной ему души, отъ всего сердца».

Панъ окончилъ свой разсказъ и, наклонивъ голову, молчалъ, очевидно, снова переживая въ своей душѣ всѣ событія, происшедшія съ нимъ въ 63 году. Взволнованный голосъ разсказчика и выраженіе его лица не позволяли мнѣ заподозрѣть его въ неискренности. Длительное молчаніе первый прервалъ я. Находясь еще подъ вліяніемъ разсказа, я невольно какъ то выразилъ пану сожалѣніе, что поляки безъ всякихъ основаній относились и относятся теперь еще нѣкоторыя изъ нихъ къ русскимъ съ недоувѣріемъ и враждебностью, — что русскіе люди, исполняя завѣтъ Господа Іисуса Христа, умѣютъ болѣе всякаго другого народа любить своего ближняго и безоружнаго или лежачаго своего врага на полѣ брани не бьютъ, въ чемъ вы, — замѣтилъ я пану, убѣдились своимъ горькимъ опытомъ.

Бесѣдуя такъ съ паномъ, въ то же время, — грѣшный человѣкъ, — думалъ я: однако, г. г. поляки, вамъ нужны сильныя ощущенія, что бы могущественная Россія могла доказать вамъ свое миролюбіе и желаніе видѣть васъ, наравнѣ съ прочими подданными народами, счастливыми и благоденствующими подъ крѣпкою рукою нашего Царя.

— Теперь, панъ, — говорилъ я уже вслухъ, — пойдете въ нашу церковь и помолимся вмѣстѣ объ упокоеніи души вашего избавителя отъ смерти. Панъ со мной пришелъ въ церковь и сталъ среди ея недалеко отъ панихиднаго столика. Когда онъ взялъ предложенную мною свѣчу, началось служеніе панихиды.

И вотъ, на далекой окраинѣ Россіи, въ томъ городѣ, гдѣ въ 1612 году умиралъ въ польскомъ плѣну царь Василій Шуйскій¹⁾, — въ сравнительно небольшомъ, но благолѣпномъ полковомъ храмѣ русскій священникъ вмѣстѣ

съ католикомъ возносятъ свои молитвы къ престолу Всевышняго объ упокоеніи усмирителя польскаго мятежа, — доблестнѣйшаго и любвеобильнаго по сердцу Апостола Спиридоновича Костанды.

Рѣдкая, почти небывалая картина!

Доступна ли была эта молитва иновѣрца Сердцевѣдцу всѣхъ—Богу? О, въ силу такой молитвы вѣрится легко!

Но вотъ провозглашается «Вѣчная память», я слышу: позади меня кто-то грузно падаетъ на колѣна, оглядываюсь и вижу: это преклонился панъ, и съ глазами, полными слезъ, стоитъ онъ неподвижно на колѣняхъ, весь отдавшись своему религіозному чувству.

Кончилась панихида. Панъ, прощаясь со мною, крѣпко, нѣсколько разъ жметъ мнѣ руку и, напутствуемый моими пожеланіями ему здоровья, взволнованный, все еще съ влажнымъ отъ слезъ взоромъ, уходитъ изъ нашего полковаго храма. Послѣ съ паномъ Г—чемъ я раза два встрѣчался въ Гостынинѣ, ¹⁾ и встрѣчи эти были радушныя...

Священникъ 3-го Стрѣлковаго полка Василій **Спасскій**.

«Окровавленный платокъ».

(Подвигъ солдата).

Описываемый случай совершился на сѣверѣ глухомъ, въ В-ской губ., въ Н. уѣздѣ.

1867 годъ. Зима. Декабрь мѣсяцъ. Деревня И—во. Вечеръ. Къ одной избѣ подъѣхали сани. Изъ нихъ вышли—мѣстный протоіерей А. З-въ, сынъ его А., лѣтъ 10. Изба съ виду богатая, но внутри «черная». Однако все въ ней опрятно; на божницѣ пылаетъ огонекъ отъ восковой свѣчи. Около стола, вблизи передняго угла, сидитъ согбенный старецъ «Никодимушко», какъ его съ почтеніемъ всѣ именовали.

¹⁾ О Гостынескомъ замкѣ, какъ мѣстѣ заключенія царя Василя Шуйскаго, намѣреваюсь поговорить въ другой разъ.

- Здравствуй, Никодимушко!
- Здравія желаемъ, батюшко, отецъ протопопъ.
- Что случилось у тебя въ домѣ-то? Не конецъ ли тебѣ приходитъ...!
- Какое мнѣ! Пора бы, конечно, къ своему сынку-то.. Охъ! Охъ!..
- Ну, пора и забыть про *то!*.. Зачѣмъ стонешь? Помни мои увѣщанія.
- Такъ-то такъ, но съ сердцемъ што подѣлаешь.. Протопопъ! Старуха моя (жена) схворнула такъ, что говоритъ «моченьки нѣтъ!». Умираю». Напутствуй ее. Пора и ей къ сынку-то.. Охъ!.. Охъ!..

Послѣ этихъ словъ Никодимушка вынулъ платокъ изъ за пазухи, посмотрѣлъ на него, поцѣловаль, тяжело вздохнулъ, и снова положилъ за пазуху.

Описываемая картина, какъ и все послѣдующее вполне правдивы, ибо свидѣтели ея были и есть: протопопъ или протоіерей — это мой отецъ, нынѣ благодаря Бога здравствующій, а сынъ его — это повѣствователь описываемаго обстоятельства.

— Да, Толя. Чего въ жизни не бываетъ! Вѣдь этотъ «Никодимушко» *николаевецъ*, и имѣеть *Георгія* за Севастополь. А что касается его сына, тоже солдатика, и «окровавленнаго» платочка (ты вѣрно замѣтилъ), то исторія объ этомъ очень тяжелая. На этой недѣлѣ съ тобою поѣду въ ту же деревню за «сборомъ», и остановимся тамъ же. Я попрошу Никодимушку, пусть онъ расскажетъ про «платокъ» а ты, милый, запомни, и когда будешь ученый, то опиши! Впрочемъ, когда настанетъ то время, я тебѣ напомню. Да, сынокъ, каковы наши, русскіе солдаты! Это ангелы; это мученики! Именно, нашъ воинъ — «Христоробивый». Такъ закончилъ свою рѣчь отецъ мой, и помню, слеза оросила лицо его, «искренняя», горячая, молитвенная..

Помнится, не одну ночь мнѣ грезился «окровавленный платокъ» и дѣдъ «Никодимушко».

Недѣля прошла, и отецъ мой со мною отправился за «сборомъ» въ ту же деревню и остановился въ томъ же домѣ.

Никодимушка на томъ же мѣстѣ сидѣлъ. Вся семья была въ сборѣ, такъ какъ день былъ воскресный. 75-лѣтняго старца окружало не мало внуковъ. Видно было, все не только почитали его, но благоговѣли предъ старѣйшимъ главою рода и дома. Подали самоварчикъ. Изба стала напол-

няться народомъ. Одни приходили, другіе уходили, принося своему протопопу церковную дань: рожь, овесъ, ячмень, шерсть овчинную...

— Дѣдушко, Никодимушко! Исполни мою просьбу; вѣдь ты мнѣ никогда не отказывалъ. Расскажи-ко сынку моему про своего — то «Гришу». Не вздыхай. Опять напоминаю... Слышишь! сынокъ мой, когда будетъ ученымъ, опишетъ въ назиданіе другимъ. Тогда скажутъ, и всѣ узнаютъ: каковы бывають слуги Царевы! Готовы жизнь свою положить не только на войнѣ, но и во всякое другое время, лишь бы не напрасно кровь лилась. Съ такими словами обратился къ Никодимушкѣ мой отецъ.

Никодимушка покачалъ головою, отеръ слезы свои рукавомъ полушубка, опять вынулъ тотъ загадочный платочекъ, взглянулъ на божницу, на меня?... и... смотрѣлъ куда то вдаль впалыми старческими глазами..

— Изволь, протопопъ, но въ послѣдній разокъ...

Я услышалъ страшный рассказъ, вспоминая который невольно содрогается.

Обстоятельство было слѣдующее. Оно произошло ровно за годъ до указаннаго времени, именно въ 1866 году.

Сынъ Никомушки Григорій, по возвращеніи съ военной службы, съ благословленія своего батюшки, занимался въ зимнюю пору вольнымъ извозомъ, и чрезъ это доставлялъ въ домъ не мало прибыли; пара «воронныхъ» были въ полномъ распоряженіи Гриши. Стоялъ январь мѣсяцъ. Зима была снѣжная и бурная. Гриша подрядился въ городѣ отвезти одну барыню съ малымъ сыномъ на станцію за 28 верстъ отъ города нашего Н. На этотъ разъ Никодимушка, сердцемъ предчувствуя почему-то недоброе, не охотно отпускалъ сына, хотя условная плата была выгодная.

«Волки гуляютъ и, слышно, много пошаливаютъ» — говорилъ Гришѣ отецъ. «Да и погодка нынѣ, смотри, какая! Ни зги не видно» — говорили остальные члены семьи. «Впрочемъ, продолжалъ старикъ, ты не боишься волковъ, да и вороные удалые; но часъ не-ровень, можетъ, что и случится.. Ну да Богъ съ тобой! даль слово, держись. На то тебя и въ полку учили. Самъ рассказывалъ про честь солдатскую. Только въ «жару-то» не бывалъ, не какъ я, твой батько, *никалаевецъ*, съ Георгіемъ на груди».

— Не въ первой... Видали этого звѣря... боролись и вдоволь бивали.. Батюшко, я ѣду.

— «Съ Богомъ, сынокъ! Только осматривайся, и вороныхъ поберегай. Въ случаѣ вынесутъ». По обычаю своему благословилъ сына.

Колокольчикъ зазвенѣвшій, а потомъ умолкшій, далъ знать объ отъѣздѣ Гриши.

— Однако болить мое сердце.. О Господи! Спаси и помилуй... Хорошъ ужъ очень Гришутко!—Такъ все время про себя твердилъ глава семьи.

Остальная семья молчала... Нужно было подумать объ ужинѣ. Вечерь вѣдь подходить, да и ночь скоро.

Григорій той порой былъ уже въ городѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса лихая вороная пара неслась по Т—скому уѣзду. Ъздоки — это молодая мать 3—бо съ 4-лѣтнимъ сыномъ, отправившаяся экстренно въ Т—му для свиданья съ больною, почти умирающею матерію. Не однажды она совершала этотъ путь, но зимою въ первый разъ. Никто не могъ ей сопутствовать: мужъ постоянно на службѣ, а дома оставались еще двое дѣтокъ, на попеченіи опытной и старой—вѣрной няни.

Десять верстъ промелькнули. Деревни окончились. Вступили въ волокъ. Кругомъ лѣсъ. Дологъ этотъ путь—версть 10-ть. Одна—пустырь. Проѣзжающихъ—никого. Мятель, повидимому, стихала, но медленно. Время—къ ночи.

«Какъ бы Богъ помогъ намъ эти пять верстъ проѣхать. Остальное—ничего», говорилъ ямщикъ Гриша.

— А чего боишься? Спросила крѣпко закутавшаяся молодая путешественница, осторожно прижимая и цѣлуя любимца своего.

Да волки, слышно, пошаливаютъ. Только что проговорилъ эти слова ямщикъ, какъ вдали раздался *вой*, и вой зловѣщій... Ясно, волки не далеко... Вороные наострили уши.. остановились, а потомъ, рванувшись, понеслись.. Да, слухъ оказался безошибочнымъ.. Колоколець звонкій, сильный привлекъ цѣлую стаю кровожаднаго и голоднаго звѣря.. Дорога къ несчастію была ухабистая: были моменты, когда повозка могла перевернуться и сѣдоки сдѣлаться пищею звѣря.

Наступалъ страшный часъ.

— «Гей, вороные! Не выдавайте! Слышался отчаянный вопль изъ устъ удалого Гриши.

Но въ повозкѣ не то слышалось: раздирающій душу вопль матери, въ оцѣпненіи держащей у груди своей ребенка; ямщикъ! погибли! Боже! Дѣти.. Одея! (имя мужа)..

Лошади готовы были сдаться. Испорченная дорога и глыбы снѣга пре-

пятствовали бѣгу вороныхъ, а кровожадные непріатели уже бросались на верхъ повозки, съ визгомъ цѣпляясь, и секунда—ворвутся внутрь повозки. Той порой въ душѣ Гриши роились и съ быстротою молніи перебѣгали одна мысль за другою.

— «Вѣрно, погибли! Да что! Я не одинъ у батюшки... Онъ герой... А я почему... Кончено! «Спасу... Вѣдь мать, сынъ, дѣти..» Вотъ что мелкало въ душѣ Гриши.

— «Барыня! Помни Гришу воина!» Моментъ, и Гриши не стало на козлахъ. Вороны снова понеслись, почувавъ ровный путь и близкое жилье. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа бѣшеные, взмыленные вороны стояли у воротъ избы.

Все спало въ деревнѣ. Съ лучиной въ рукахъ показались заспанные хозяева, съ изумленіемъ смотря на повозку; точно въ ней мертвые. Свѣтъ отъ лучины упалъ внутрь повозки, гдѣ безъ жизни, повидимому, лежала женщина съ ребенкомъ. Поняли хозяева, что бѣда была и великая.

Очнулась мать, испуганно смотря на окружающее. Ребенокъ былъ въ забытѣи.

«Мама!» Это милое слово сына, очнувагося, оживило мать...

Тогда только она къ ужасу своему поняла, что означали слова ямщика...

— Боже! Онъ, ямщикъ, погибъ за насъ!...

Выслушавъ страшный разсказъ, хозяева невольно, со страхомъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, въ душѣ молясь о спасеніи души несомнѣнно растерзаннаго звѣрями ямщика Гриши.

Рано утромъ поселяне отправились на мѣсто катастрофы. Ужасная картина представилась глазамъ: путь покрытъ запекшеюся кровію, частицами костей и разорванной въ клочки одежды. Кровяной путь направлялся въ лѣсъ.... Тамъ и происходилъ дѣлежъ мученической добычи. Но что осталось цѣлымъ, на срединѣ дороги, это «окровавленный платокъ» Гриши: вотъ печать вѣры и великой христіанской любви къ ближнему. Нѣтъ выше этой любви.

Да, Никодимушка былъ герой, но земной: на груди его висѣлъ крестикъ «земной», а на Гришѣ—Георгій «небесный», вѣчный, мученичскій, славный.

Какъ было Никодимушкѣ не плакать по сынѣ, не цѣловать «окровавленный платочекъ». Вѣдь тутъ вся отрада его до смерти, и вмѣстѣ съ нимъ и во гробъ ляжетъ старикъ.

Христолюбивый воинъ! Благоговѣй предъ подвигомъ Гриши, своего

сотоварища. Помни: какъ нужно любить по Божьему! Прочитавши этотъ рассказъ, эту сухую правду, помолись о душѣ героя—мученика.

Онъ умеръ для спасенія жизни ближняго: онъ былъ истинный христоролюбивый воинъ.

Московской артиллерійской церкви, Свящ. А. **Замарасевъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Адресная Книга гор. С.-Петербурга на 1899 г.,

издаваемая при содѣйствіи Городскаго Обществ. Управленія,
подъ редакцію

П. О. ЯБЛОНСКАГО.

(восьмой годъ изданія).

Адресная Книга гор. С.-Петербурга на 1899 г., заключающая въ себѣ болѣе 153 печатныхъ листовъ, на хорошей бумагѣ, мелкимъ шрифтомъ, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: Отдѣлъ I обнимаетъ собою табель домовъ, въ которой всѣ улицы города расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ показаніемъ на нихъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и большинства квартиронанимателей. Отдѣлъ II составляютъ Правительственныя, Общественныя и частныя Учрежденія, профессиональныя лица и торгово-промышл. заведенія. Отдѣлъ III заключаетъ алфавитъ лицъ съ адресами и ссылками на первыя два отдѣла и съ указаніемъ званія или главнаго занятія лица.

Всѣ эти отдѣлы составлены заново и совершенно переработаны, съ сохраненіемъ, однако, прежней системы расположенія статей. Къ книгѣ приложено 30 плановъ полицейскихъ участковъ и 48 плановъ театровъ.

Адресная Книга гор. С.-Петербурга продается только въ прочномъ колленкоровомъ переплетѣ.

Склады изданія: 1) при Паров. Скоропеч. П. О. Яблонскаго, Лештукоев пер., № 13 и 2) въ магазинъ Тип. П. О. Яблонскаго, Фонтанка, № 68, близъ Чернышева моста.

Цѣна книги на 1899 годъ 5 руб.

Содержаніе: Высоч. награды.—Поученіе предъ исповѣдью.—Поученія: предъ вступленіемъ въ великій постъ; объ истин. постѣ; противъ тѣхъ, которые не говѣютъ за недосугомъ; предъ принятіемъ св. таинъ; послѣ принятія св. таинъ.—Пронсхождение колоколовъ и значеніе ихъ.—100-й юбилей Павлов. воен. училища и слово, сказан. по этому случаю.—Рѣдкая панихида.—Окровавл. платокъ.—Объявленіе.

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ**.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Февраля 19 дня 1899 года.

Цензоръ Архимандритъ **Владиміръ**.

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.